Но христіанская проповѣдь не могла возбуждать къ себѣ большаго сочуствія въ Славянахъ и привлекать ихъ къ себѣ. Это проистекало не изъ фанатической привязанности къ язычеству и ненависти къ христіанству, а по другимъ причинамъ и побужденіямъ. Греческіе проповѣдники до Кирилла и Меѳодія, безъ сомнѣнія, совершали богослуженіе на своемъ языкѣ. То же дѣлало латинское духовенство у Славянъ западныхъ. Но къ этому послѣднее присоединяло еще обязательные для духовныхъ овецъ поборы извѣстные подъ именемъ десятины. Была другая, болѣе глубокая и серіозная причина несочувственнаго отношенія Славянъ къ христіанскимъ проповѣдникамъ. Какъ у народа, такъ въ особенности у князей, эти пришлые и чуждые проповѣдники возбуждали тревогу и опасеніе не только за духовную, но и политическую независимость. Сила оружія, хитрая политика и христіанская проповѣдь перемѣшивались у неразборчивыхъ сосѣдей и направлялись къ порабощенію Славянъ. Западные и восточные Славяне, находясь въ постоянныхъ войнахъ съ Греками и Нѣмцами, боялись потерять свою политическую самостоятельность, впадая въ церковную отъ нихъ зависимость. Поэтому то въ Славянскихъ государяхъ IX вѣка мы замѣчаемъ какое-то колебаніе и нерѣшительность въ выборѣ греческаго или латинскаго духовенства и въ выборѣ церковной зависимости отъ Константинопольскаго патріарха или Римскаго папы. Ростиславъ Моравскій, по совѣщаніи съ другими князьями, обращается за учителями вѣры къ Византійскому императору. Борисъ Болгарскій, крещенный греками, отправляетъ посольство къ папѣ съ просьбой о духовенствѣ, и выражаетъ желаніе имѣть у себя особаго патріарха и, слѣдовательно, устроить независимое церковное управленіе.

Такимъ образомъ становится яснымъ, что славянскіе государи Болгаріи, Моравіи и Панноніи, опасаясь иноземнаго вліянія, избѣгая церковной зависимости, искали выхода изъ этого положенія.

Глубоко образованный Кириллъ и практическій Меѳодій, быть-можетъ сами славянскаго происхожденія, или во всякомъ случаѣ съ дѣтства знакомые съ бытомъ и языкомъ Славянъ, угадали насущныя потребности и нужды Славянскихъ народовъ, явились къ нимъ на помощь и открыли выходъ изъ того критическаго положенія въ какое послѣдніе неизбѣжно поставлялись силой обстоятельствъ. Они явились съ азбукою, переводомъ священныхъ и богослуженныхъ книгъ и съ планомъ устройства и организаціи Церкви, съ народнымъ клиромъ и съ народнымъ языкомъ въ богослуженіи. Велика была радость Славянъ, въ первый разъ услыхавшихъ христіанскихъ проповѣдниковъ, бесѣдующихъ и совершающихъ богослуженіе на родномъ языкѣ. „И отверзошася", говоритъ древній жизнеописатель Кирилла, „по пророческому слову уши глухимъ услышати книжныя словеса и языкъ женъ бысть гугнивымъ." Этимъ-то и объясняются необычайные успѣхи ихъ дѣятельности въ Моравіи и Панноніи. Остававшіеся въ язычествѣ сами собой, безъ особыхъ усилій проповѣдниковъ, обращались къ христіанству и крестились. Вотъ быть-можетъ почему древнія сказанія о Кириллѣ и Меѳодіи умалчиваютъ объ этомъ и повѣствуютъ главнымъ образомъ объ ихъ отношеніяхъ къ латинскому духовенству и римскимъ папамъ. Въ короткое время переведенныя ими книги разошлись по разнымъ славянскимъ странамъ и вошли въ церковное употребленіе, кромѣ Панноніи и Моравіи, въ Чехіи, Болгаріи, у Сербовъ и Хорватовъ и, наконецъ, у Русскихъ Славянъ. Благодарное воспоминаніе о заслугахъ Кирилла и Меѳодія было такъ сильно и живо въ Славянскомъ мірѣ, а обаяніе ихъ именъ было такъ велико что весьма раннія письменныя сказанія и народныя преданія приписываютъ имъ насажденіе христіанской вѣры въ тѣхъ странахъ, въ коихъ строгая историческая наука признать сего не можетъ. Народное преданіе Сербовъ и Хорватовъ приписываетъ Св. Кириллу не только насажденіе христіанской вѣры, но и составленіе законовъ и установленіе гражданскихъ порядковъ.

Мы не станемъ входить въ разсмотрѣніе вопроса о томъ на какое славянское нарѣчіе Кириллъ и Меѳодій перевели священныя и богослужебныя книги: на нарѣчіе ли Болгарскихъ Славянъ, какъ думаетъ большинство русскихъ ученыхъ, или на моравское нарѣчіе, какъ полагаетъ Шафарикъ, а вслѣдъ за нимъ западные ученые,—но не можемъ не замѣтить, что тысячу лѣтъ тому назадъ западныя и восточныя славянскія нарѣчія не такъ различались между собой какъ въ настоящее время. Хотя Славяне раздѣлялись по племенамъ и каждое племя заняло уже опредѣленное мѣсто въ Восточной Европѣ, тѣмъ не менѣе всѣ они могли разумѣть и понимать другъ друга и понимать языкъ перевода, сдѣлавши его обще-славянскимъ церковнымъ и письменнымъ языкомъ. Это ясно засвидѣтельствовалъ нашъ первый лѣтописецъ: „бѣ единъ языкъ словѣнскъ — Словѣни иже сѣдяху по Дунаеви, иже пріяша Угри (которыхъ плѣнили Венгры), и Морава, Чеси и Ляхове и Поляне, яже нынѣ зовомая Русь..." Симъ бо первое преложены (впервые переведены) книги (въ) Моравѣ, яже прозвася грамота словѣнская, яже грамота есть въ Руси и Болгарѣхъ Дунайскихъ. А словѣнскъ языкъ и русскій языкъ одинъ". Изъ приведенныхъ словъ лѣтописца видно, вопервыхъ, что для его времени книжный славянскій языкъ былъ символомъ и значеніемъ единства всѣхъ славянскихъ племенъ; вовторыхъ, онъ, какъ единый славянскій языкъ, понятенъ былъ Русскому, Дунайскому Болгарину, Чеху, Моравлянину и Ляху. Нашъ простой народъ и въ настоящее время безъ особаго затрудненія понимаетъ православное богослуженіе. Тысячу лѣтъ учась грамотѣ по церковнымъ книгамъ, Русскій народъ не привыкъ отдѣлять этой грамоты и вообще книжнаго наученія и наставленія отъ церковно-славянскаго языка. Послѣдній и теперь считается, по его понятіямъ, языкомъ книги, мудрости и высшаго разумѣнія божественныхъ писаній. Учась грамотѣ по Псалтири и Часослову, русскій грамотникъ читалъ книгу до тѣхъ поръ, пока не заучивалъ наизусть; поэтому-то онъ такъ хорошо усвоялъ церковно-славянскую рѣчь, поэтому-то наши старообрядцы и въ настоящее время предпочитаютъ славянскія книги гражданскимъ.

Говоря о переводѣ священныхъ и богослужебныхъ книгъ, мы бы не поняли и не оцѣнили должнымъ образомъ заслугъ Славянскихъ Просвѣтителей еслибъ умолчали о тѣхъ препятствіяхъ, которыя они преодолѣли и о той борьбѣ, которую они вели съ многочисленными врагами и которая занимаетъ такое видное мѣсто въ ихъ исторіи. Съ древнихъ временъ Церкви въ богослужебное употребленіе вошли три языка: сиро-халдейскій, греческій и римскій, какъ объ этомъ свидѣтельствуютъ литургическіе и другіе письменные памятники христіанской древности. Это былъ естественный и неизбѣжный порядокъ вещей, такъ какъ вышеупомянутые три языка были господствующими и общеупотребительными въ жизни и литературѣ разныхъ странъ христіанской Церкви. Правда, на востокѣ, при множествѣ и разнообразіи племенъ, скоро появились въ церковномъ употребленіи другія нарѣчія. Персы, Армяне, Сирійцы, Копты и другіе восточные народы имѣли богослуженіе на своихъ языкахъ, а нѣкоторые изъ нихъ въ своихъ храмахъ совершали его даже въ самомъ Константинополѣ. Но это произошло главнымъ образомъ по отдѣленіи и отпаденіи ихъ отъ Церкви Вселенской. Греки временъ Кирилла и Меѳодія, вопреки примѣру древней вселенской Церкви, вовсе не обнаруживали склонности поощрять подобныя предпріятія или содѣйствовать имъ, какъ это видно изъ сказанія болгарскаго писателя Черноризца Храбра (X вѣка), написавшаго свое сочиненіе, *Сказаніе о письменѣхъ*, въ защиту Кириллова перевода отъ нареканій Грековъ. Авторъ «Житія Климента Величскаго» старается извинить и оправдать Кирилла предъ своими читателями-Греками, выставляя побужденіе къ переводу — неспособность Болгаръ понимать прекрасную греческую рѣчь.

Что касается до Западной Церкви, то въ ней, съ теченіемъ времени, принято непремѣннымъ правиломъ чтобы богослуженіе совершалось вездѣ и у всѣхъ народовъ только на латинскомъ языкѣ. Для народовъ романскихъ, каковы: Итальянцы, Французы и Испанцы, языки коихъ образованы изъ латинскаго, первоначально это не составляло особаго затрудненія въ пониманіи, такъ какъ латинскій языкъ былъ для нихъ тѣмъ же чѣмъ для насъ, Русскихъ, или Сербовъ — церковно-славянскій языкъ. Для народовъ же германскаго происхожденія латынь была языкомъ чужимъ и совершенно непонятнымъ, тѣмъ не менѣе она вошла въ общее употребленіе и сдѣлалась языкомъ церкви, школы и литературы у западныхъ Европейцевъ. И что всего удивительнѣе, нѣмецкое духовенство въ борьбѣ съ Кирилломъ и Меѳодіемъ отстаивало латинское богослуженіе настойчивѣе и ревностнѣе чѣмъ сами папы. По ихъ ученію, прославлять Бога можно только на трехъ языкахъ, на коихъ Пилатъ сдѣлалъ надписаніе на крестѣ, т.-е. латинскомъ, греческомъ и еврейскомъ,—всѣ другіе языки недостойны Его прославленія. Собравшіеся на соборѣ въ Венеціи «латинстіи епископы и попове и черцы говорили Кириллу: человѣче, скажи намъ, како ты еси ныне сотворилъ Словѣномъ книги и учиния, ихъ же нѣсть никто же инъ первѣе обрелъ, ни апостолы, ни римскій папежъ, ни Діалогъ (Двоесловъ) Григорій, ни Іеронимъ, ни Августинъ? Мы же три языка токмо вѣмы ими же достоитъ славити въ книгахъ Бога: еврейскый, еллинскій, латинскый». Это ученіе Св. Кириллъ назвалъ ересью трязычниковъ и пилатниковъ и велъ съ ними горячіе споры. Правда, папа Адріанъ одобрилъ славянскія книги и дозволилъ славянское богослуженіе, но преемникъ его Іоаннъ VIII колебался: онъ то запрещалъ совершать службу на варварскомъ, т.-е. славянскомъ, языкѣ, то разрѣшалъ и дозволялъ; но эта уступка проистекала вовсе не изъ сочувствія къ славянскому языку и богослуженію, а изъ другихъ побужденій, именно изъ желанія привлечь къ себѣ Славянскіе народы и утвердить надъ ними свою духовную власть, чтобы тѣмъ легче изгнать изъ употребленія славянское богослуженіе, какъ это папы не замедлили сдѣлать впослѣдствіи. Вся жизнь Свв. Кирилла и Меѳодія, со времени ихъ прибытія въ Моравію, была посвѣщена защитѣ славянскаго богослуженія и проведена въ борьбѣ съ многочисленными хитрыми и ожесточенными противниками его. При такомъ положеніи дѣлъ, переводъ книгъ на славянскій языкъ является, съ одной стороны, важною реформой, шедшею въ разрѣзъ съ господствовавшими понятіями и принятою церковною практикой, и провозгласившею новый принципъ равноправности всѣхъ языковъ; съ другой стороны, онъ есть тяжелый подвигъ бывшій для Кирилла и Меѳодія источникомъ страданій и преслѣдованій.

Важность произведенной ими реформы и величіе ихъ подвиговъ открываются изъ того что они, ставъ выше предразсудковъ своихъ современниковъ, самымъ дѣломъ призвали славянскія племена, по выраженію лѣтописца, къ прославленію величія Божія на родномъ языкѣ и тѣмъ положили начало сознательному и разумному усвоенію слова Божія и церковнаго богослуженія, между тѣмъ какъ ихъ противники лишали народъ этого блага, обрекали его на духовную нищету и рабскую зависимость отъ другихъ. Такимъ образомъ Кириллъ и Меѳодій за шесть съ половиною вѣковъ доставили славянскому міру то благодѣяніе, которого лишены были западные европейскіе народы въ теченіе всѣхъ среднихъ вѣковъ, и которое народы германскаго происхожденія получили только съ XVI вѣка Лютеровымъ переводомъ Библіи и нѣмецкимъ богослуженіемъ.

Послѣ перевода книгъ, важнѣйшая заслуга Кирилла и Меѳодія состоитъ въ устройствѣ